

Язык русского зарубежья

Е.А. Земская

(Русский язык в научном освещении. - № 1. - М., 2001. - С. 114-131; цитируется по:
<http://rulit.org/read/609>)

1. Эта статья подводит итоги многолетней работе автора над изучением языка русских эмигрантов, живущих в пяти странах: Италия (Рим), Германия (Берлин, Миддлбери, Франкфурт-на-Майне, Бонн), Франция (Париж), США (Лос-Анджелес, Нью-Йорк), Финляндия (Хельсинки).

2. Русское зарубежье все больше привлекает к себе пристальное внимание ученых разных специальностей - историков, социологов, культурологов, психологов, и, конечно, лингвистов. Это вполне понятно. XX век породил обширные колонии русских в разных странах Европы, Азии, Америки, Австралии и даже Африки.

Русская диаспора обширна и многолика, неоднородна во многих отношениях. Люди, уехавшие из России, как правило, сохраняют с Россией и ее жителями какие-либо связи - родственные и дружеские, профессиональные, экономические, культурные. Их культура имеет родство с российской культурой и несет черты своеобразия.

Русское зарубежье крайне неоднородно по своему отношению к России и вообще всему русскому, неоднородно оно и по степени сохранности русского языка. Наши наблюдения за языком эмигрантов, живущих в разных странах, уехавших из России в разное время и по разным причинам, показывают сколь велика эта неоднородность.

3. Изучение речи эмигрантов может строиться по разным направлениям, например таким:

3.1. Выявление общих особенностей языка у совокупности лиц, объединенных по каким-либо существенным признакам, например: а) живущих в одной стране, б) составляющих одну волну эмиграции, в) имеющих одинаковый уровень образования, г) относящихся к одной и той же профессии, д) покинувших родину по одной и той же причине... Перечисление общих признаков может быть продолжено. Очевидно, что при таком подходе мы получим сведения, устанавливающие определенные корреляции между избранным признаком и особенностями языка, т.е., например, мы можем узнать, какие изменения в речи эмигрантов вызывает пребывание в разных странах, и, соответственно, влияние немецкого, английского, французского и др. языков. По такому принципу построена, например, книга [Jezyk Polski 1997].

3.2. Монографическое описание речи отдельных лиц, характеризуемое пристальным вниманием к ее особенностям на всех уровнях языка, к специфике речевого поведения, учитывающее личные и профессиональные свойства, особенности биографии, условия освоения русского языка и т. п. В результате такого изучения мы получаем речевой портрет определенного человека, отражающий его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств эмигрантов, распределенных по тем или иным признакам, и его индивидуальные черты, присущие ему как личности. Образцом для нас служат речевые портреты, созданные М. В. Пановым [Панов 1990]. Изучение речевых портретов отдельных лиц все более распространяется в науке. См., например: [Ерофеева 1990; Земская 1993; Крысин 1994; Китайгородская, Розанова 1995].

3.3. Изучение судьбы отдельных особенностей русского языка в речи эмигрантов разных волн, разных возрастов, живущих в разных странах, например: а) редукция тех или иных безударных гласных в первом безударном слоге, б) судьба творительного падежа существительных и т. п.

3.4. Все три направления исследования имеют право на существование и представляют собой определенный научный интерес. При первом подходе выявляются общие особенности речи эмигрантов; при втором - изучается конкретная реализация разных признаков в речи одного лица,

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

возможности их сосуществования, взаимовлияния; при третьем - рассматривается история отдельных особенностей русского языка, влияние на них сложной совокупности социолингвистических факторов, что показывает различные возможности исторического развития русского языка.

3.5. Мной было избрано комплексное направление исследования. Была поставлена задача: в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, характеризующие особенности языка русской диаспоры, найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка. Подобное исследование имеет интерес не только для социолингвистики, но и для теоретического языкознания, так как оно дает возможность ответить на вопрос: какие участки системы языка в первую очередь поддаются воздействию чужих языков и по каким причинам, а какие являются наиболее устойчивыми.

Для того, чтобы глубже проникнуть в условия функционирования языка, понять, как именно живет родной язык в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия), производилось детальное изучение отдельных языковых личностей, т.е. создание речевых портретов. Мной были описаны индивидуальные и парные (мать и дочь, муж и жена, брат и сестра) речевые портреты двадцати пяти лиц. Эти данные представляют интерес в историко-культурном отношении - для характеристики изменений русского языка на протяжении XX в. и для характеристики нравов и быта русских людей за рубежом.

4. Основным материалом исследования составляли сделанные мной в 80-90-е годы XX в. магнитофонные и ручные записи естественной неподготовленной устной речи - разговоры на разные темы (беседы о жизни, рассказы об истории семьи, воспоминания о переселении из России, впечатления о жизни в новой стране, бытовые диалоги во время прогулок, поездок, обедов и т.п.). Отдельные магнитофонные записи сделали по моей просьбе и по моему плану коллеги и друзья: Наталья Башмакова, Ольга Йокояма, Валентина Пичугина, Ирина Гривнина. Выражаю всем им большую благодарность.

В качестве дополнительного материала использовались данные письменности: частная переписка, бытовые записки, объявления в магазинах, на улицах и т.д., реклама, эмигрантские газеты. Особый и чрезвычайно ценный материал представляли собой семейные архивы, которые мне было разрешено исследовать и использовать. Это архивы трех известных славистов, живущих в разных странах и имеющих русские корни: Наталья Башмакова (Хельсинки), Olga Yokoama (Лос-Анджелес), Matthias Rammelmeyer (Бонн).

5. Как видно из сказанного выше, мной записывались непринужденные разговоры, беседы на разные темы в естественной неофициальной обстановке. Речь такого рода сопоставима с той формацией, которую в русском языкознании называют термином "литературный разговорный язык". Именно поэтому, стремясь выявить отличия зарубежного русского от российского русского, я сравнивала свои данные не с данными кодифицированного литературного языка (КЛЯ), а с данными разговорного литературного языка (РЯ).

Мои разговоры с информантами никогда не имели характера интервью. В отношениях с собеседниками не было натянутости, официальности. Мы часто смеялись и даже хохотали. Иными словами, наши беседы имели дружеский, откровенный характер.

Записи велись в самых разных ситуациях: в автомашине во время совместных поездок, в церковном дворике, дома - у них или у меня, в кафе, ресторане или столовой церкви. Обстоятельства несомненно ухудшали техническую сторону записи (звяканье чашек и тарелок, гудение встречных автомобилей, свистки полицейских, грохот мотоциклов и многое-многое другое) и затрудняли ее расшифровку, но ни в коей мере не нарушали непринужденность ситуации и способствовали естественности речи собеседников.

Вполне допускаю, что мои информанты с родными и близкими друзьями говорили бы несколько иначе, чем со мной, но и разговоры со мной шли в непринужденной манере, о чем свидетельствует характер речи: наличие многих особенностей, присущих современному разговорному языку России (см. PPP-73, PPP-81, PPP-84).

Этот факт имеет принципиальное значение, ибо в ряде работ явления, отмечаемые в записях речи эмигрантов и не свойственные КЛЯ, характеризуются как типично эмигрантские, свидетельствующие о разрушении русского языка за рубежом (Emigre Russian или даже American Russian, см. [Polinsky, print]), тогда как они типичны для российского разговорного языка (РЯ), т.е. репрезентируют различия между разговорным русским языком и книжным русским языком, а не отличие российского русского языка от эмигрантского. Назову для примера некоторые факты их тех, которые М. Полински рассматривает как свидетельство разрушения русского языка в эмиграции и которые характерны для русского РЯ. Экспрессивные повторы, использующиеся для усиления (типа: Такой дом - это дорого-дорого, в знач. 'очень дорого'), паузы обдумывания или колебания (гезитации), использование предикативного прилагательного в им. падеже (а не в творительном): Мама уехала злая [Polinsky, in print: 38]. Последняя фраза вполне обычна, нормативна для российского РЯ. Вряд ли кто-нибудь скажет в разговорной речи Мама уехала злой.

Добавлю, что в интересном и богатом материалом исследованием М. Полински некоторые лексические явления следует рассматривать не как явления русского языка, разрушенного эмиграцией, а как явления нелитературного русского языка - областные или просторечные, см. об этом подробнее: [Земская 2001]. Здесь приведу лишь один пример этого рода: Там мы блудили (в значении заблудились). Так нередко говорят в современном городском просторечии, в том числе московском. Сл. Даля дает: «блуждать и блудить, колобродить, скитаться, шатать; // бродить или ездить, сбиваться с дороги и не опознаваясь в местности сбиться с пути, блукать, плутать, путать» [Сл. Даля, 1: 244].

6. В настоящее время принято различать четыре волны эмиграции: 1-ая - после революции 1917 г. [1], 2-ая - связанная со второй мировой войной, 3-я - в 70-е годы, когда был разрешен выезд из СССР евреям и диссидентам, а также происходила высылка диссидентов, 4-ая - с конца 80-х годов, т.е. в период перестройки и постперестройки. О волнах эмиграции см., например: [Эндрюс 1997, 18-19]. Наиболее резко эмиграции первой волны противостоит четвертая, которую нередко называют экономической. В подавляющем большинстве ее составляют люди, уехавшие из России навсегда, не имеющие желаний возвращаться. Как правило, уезжая, они не знали языка той страны, в которую направлялись. По данным, приведенным в работе Н. Л. Пушкаревой, среди эмигрантов 90-х годов зафиксировано 99,3 % граждан, заявивших при выезде, что они никаких языков, кроме русского, не знают [Пушкарева 1997, 156].

7. Я стремилась о каждом человеке, речь которого я намеревалась изучать, получить сведения, необходимые для того, чтобы как можно полнее и глубже уяснить его «языковую историю», языковую компетенцию и жизненные обстоятельства, могущие влиять на его речь, на его отношение к СССР, России, русскому языку и всему русскому. Я стремилась с каждым человеком встречаться и разговаривать не один раз. Многие из моих информантов стали моими друзьями. Мною была разработана анкета, преследующая указанную цель. Я ее никогда не использовала как анкету и даже не знакомила с ней информантов. Мне она была нужна для того, чтобы помочь мне систематизировать и сопоставлять сведения, полученные от разных людей, а лицам, производившим записи для моей работы, я давала ее, чтобы они знали, какого рода сведения меня интересуют.

АНКЕТА

(желательно получить эти сведения не с помощью «прямого опроса», а из беседы)

1. Имя, фамилия (* указать желательно, но не обязательно).
2. Год рождения/возраст.
3. Место рождения.
4. Какой язык считаете основным в настоящее время?
5. На каком языке думаете?
6. На каком языке считаете?
7. Какой язык был первым - начали говорить с детства?
8. Родной язык родителей: 1. Мать. 2. Отец.

9. Профессия/род занятий родителей: 1. Мать. 2. Отец.
10. Время отъезда из России (год).
11. Место жительства в наст. время.
12. Промежуточные страны (если не сразу приехал в данную страну).
13. Образование, где оно получено, на каком языке.
14. Профессия/род занятий: 14.1 До отъезда 14.2 В наст. время.
15. Состав семьи в наст. время; на каком языке говорят: 15.1 Муж 15.2 Жена 15.3 Дети.
16. На каком языке говорят обычно дома? 16.1 Все члены семьи на одном? 16.2 Разные члены семьи используют разные языки - какие именно?
17. Знание других языков: 17.1 До отъезда из России 17.2 В наст. время (желательно указать: понимаю, могу объясниться ...)
18. На каком языке предпочитаете: 18.1 Читать. 18.2 Писать.
19. На каких языках можете говорить (желательно расположить эти языки от основного к наиболее слабому).

- а) Место записи (страна, город ...; ситуация, например, дома, в университете ...)
- б) Дата записи
- в) Кто вел запись?
- г) Участники беседы (если их несколько)

8. Рассмотрение большого фактического материала (исследовалась речь более 150 эмигрантов разных поколений первой волны и около 200 эмигрантов других волн) позволило дать уточнение некоторых понятий, важных для изучения языковой компетенции эмигрантов.

Первый язык. Тот язык, на котором ребенок начинает говорить; как правило, это бывает язык матери, но не обязательно. Обычно на этом языке ребенок учится считать и продолжает считать в течение всей жизни.

Материнский язык. Он может отличаться от отцовского, ибо в эмигрантских семьях нередко языки матери и отца не совпадают, и ребенок с каждым из родителей говорит на его языке.

Домашний язык. Тот язык, на котором говорят дома. Нередко в эмигрантских семьях имеется не один домашний язык, а два или более.

Основной язык. Необходимо использовать еще одно понятие: главный или основной язык (= лучший язык). По каким критериям его выделять? Принято считать, что на нем человек думает. Но многоязычные люди нередко думают на разных языках в зависимости от темы, ситуации, собеседника и даже местонахождения. Так, одна эмигрантка второго поколения первой волны, живущая в США, рассказывала мне: «Я замечаю, что я начинаю думать по-французски уже в самолете, когда лечу во Францию». Таким образом, этот критерий не годится. Не годится и критерий - «человек считает на этом языке», так как опрос показывает, что считают обыкновенно на первом языке или на языке, на котором человек научился считать. Очевидно, важен иной критерий: этот язык используется в устной и письменной формах и во всей широте функциональных и стилистических регистров, то есть не только как устный домашний язык. Отмечу, что именно в функции домашнего языка используют русский многие потомки эмигрантов разных волн, получившие образование вне России и не на русском языке (см. подробнее ниже).

Родной язык. Это понятие обычно получает такое определение: «язык, на котором говорят с раннего детства, перенимая его от родителей, или родных» [Сл. Уш.]. Понятие «родной язык» часто совпадает с понятием «материнский язык», но тогда термин «родной язык» играет роль ненужного и не вполне точного дублета. Родной язык не всегда бывает один (если родители говорят на разных языках), не всегда бывает первым (если ребенок усваивает речь не от родителей, а от лица/лиц другой национальности, например, няни, гувернантки, которые за ним ухаживают в раннем детстве), он не всегда бывает основным, если человек живет в стране, язык которой не совпадает с его родным, если

он получает образование не на родном языке, что широко распространено в эмигрантской среде. Поэтому далеко не у всех эмигрантов, у которых русский язык является родным, он основной. Отмечу сразу же, что позицию основного, или, как его иногда называют, доминирующего языка, помогают получить семь факторов: 1) цель и причины эмиграции, 2) образование говорящего, 3) язык родителей, 4) язык страны длительного проживания или страны, в которой прошло детство, 5) язык, на котором проходило школьное и/или университетское обучение, 6) профессия, связанная с использованием данного языка, 7) личность говорящего (см. об этих факторах подробнее ниже).

9. Изученный мною материал показывает, что между речью эмигрантов одной волны, живущих в разных странах, имеется большая общность, чем между речью эмигрантов разных волн, живущих в одной стране. Естественно, что имеются в виду общие явления, а не конкретные заимствования из языка страны обитания. Эта общность касается и такого важного явления, как разная степень устойчивости (сохранения) русского языка у эмигрантов разных волн.

10. Наибольшее сходство в языке и речевом поведении наблюдается между эмигрантами первой волны, относящимися к русской аристократии и другим слоям высокообразованного русского общества (писатели, ученые, инженеры, медики, духовенство), живущими в разных странах (Италия, Франция, Германия, США). Яркое свидетельство этой общности показывает сравнение моих материалов и материалов М. А. Бобрик, анализирующей речь семьи Ф., живущей в Берлине (см. [Бобрик, в печати]). Расхождения незначительны и касаются словоупотребления. Они объясняются социальными различиями: русская аристократия ~ разночинцы. Следует подчеркнуть, что члены семьи Ф. не связаны с русским языком профессионально.

Я обращала преимущественное внимание на речь эмигрантов первой волны разных поколений (родители - дети - внуки - правнуки). Особое внимание к речи эмигрантов первой волны объясняется рядом причин. Речь эмигрантов именно первой волны показывает жизнь русского языка вне России на протяжении почти века. Речь этих людей, с одной стороны, сохраняет особенности старого языка, а с другой - содержит те изменения, которые характеризуют длительное функционирование русского языка в иноязычном окружении.

10.1. Общие особенности речи эмигрантов первой волны порождаются такими факторами:

10.1.1. Усвоение русского языка дома, от родственников (свободно владеющих книжным и разговорным русским языком) или нянь (в речи которых встречались черты просторечия).

10.1.2. Господствующее в семье стремление сохранить чистый русский язык, не допускать нововведений, связываемых с советской властью, что порождает некоторую архаичность.

10.1.3. Постоянное пребывание в окружении лиц, говорящих на других языках, и усвоенное с детства многоязычие.

10.2. Общие особенности речи эмигрантов первой волны можно кратко охарактеризовать так.

10.2.1. Беглость, естественный темп речи, что редко бывает свойственно иностранцам, даже отлично выучившим русский язык.

10.2.2. Наличие типично разговорных черт в фонетике.

10.2.3. Свободное пользование разговорной, а иногда и просторечной лексикой.

10.2.4. Наличие слов и выражений, устарелых в русском языке СССР и современной России.

10.2.5. Отказ от использования слов, возникших в советское время.

10.2.6. Сохранение в заимствованных словах их исконного произношения или отдельных его черт.

10.2.7. Включение иноязычных слов в качестве инкрустаций, а не построение макаронического дискурса.

10.2.8. Наличие калек; наиболее распространенные - семантические и синтаксические.

10.2.9. В речи некоторых лиц наблюдается интонационное и фонетическое влияние чужого языка, начальная стадия разрушения некоторых грамматических особенностей русского языка.

10.3. Угасание письменной формы русского языка у тех лиц, которые получали образование не на русском языке (см. об этом подробнее: [Земская 1999а]).

11. Проведенное исследование позволило выявить наиболее слабые vs. устойчивые к воздействию чужих языков части системы русского языка.

11.1. Быстрее всего влиянию чужих языков подвергается интонация: у многих лиц, но не у всех. Необходимо подчеркнуть, что далеко не все эмигранты усваивают интонацию окружающего их языка. Чаще всего происходит разрушение интонации русского языка, но человек не овладевает полностью и интонацией чужого языка. Это, конечно, касается в первую очередь эмигрантов третьей и четвертой волны, не ставших двуязычными.

11.2. В области фонетики можно отметить следующее:

11.2.1. К числу устойчивых относятся такие явления: оглушение согласных на конце слова; противопоставленность согласных по твердости/мягкости, глухости/звонкости.

11.2.2. Неустойчивые признаки имеют одну общую отличительную особенность: они не релевантны для фонологической системы русского языка. Необходимо отметить, что перечисленные далее признаки встречаются далеко не у всех говорящих. В речи одних лиц их нет совсем, у других встречаются только некоторые. В области согласных это: смягчение звуков ш, ц, не имеющих парных мягких; отвердение ч, не имеющего парного твердого; озвончение х, не имеющего парного звонкого. Отмечу также: грассирующее произношение р; средневропейское l; звуки т, д в английском окружении могут приобретать альвеолярность, звук к - придыхательность. В области гласных: утрата у-образного признака у звука о; фонемы а, о в первом предупредительном слоге у некоторых лиц реализуются гласным неполного образования ы: тьа.

11.3. Лексика относится к числу тех областей языка, в которых иноязычное влияние обнаруживается достаточно заметно и быстро. Включение иноязычных слов и выражений в русскую речь свойственно представителям всех волн эмиграции. Однако между разными волнами эмиграции имеется существенное различие в характере использования лексики языка страны обитания, в ее функциях в речи.

Лица, хорошо знающие язык страны-приюта, дву- и многоязычные, не допускают смешения языков. Они не строят макаронический дискурс, а используют иноязычные слова как инкрустации. Лица, плохо знающие язык страны обитания, лишь изучающие его, подвержены интерференции. Они используют лексику и фразеологию чужого языка часто без особой надобности, чтобы показать свою осведомленность в новом для них языке.

Эмигранты первой волны, как правило, используют иноязычную лексику в номинативной функции, тогда как эмигранты четвертой волны применяют ее нередко как средство непритязательной языковой игры. Последнее объясняется тем, что эта лексика для них явление новое, необычное, вызывающее разного рода ассоциации с родными словами в духе народной этимологии, паронимической аттракции, каламбуров. Вот несколько примеров из статьи [Гусейнов 1997, 44]: шпрахи (языковые курсы) - страхи, рехннунг (счет) - такой, что рехнуться можно; см. также: [Земская 2001].

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

11.4. Исследователи языка русских эмигрантов, как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая отдельные производные слова при изучении заимствованной лексики - так называемых слов-гибридов (заимствованная основа + русские аффиксы). Между тем, вопрос о том, как функционирует словообразовательный механизм русского языка в иноязычном окружении, представляет значительный интерес. Единственные известные мне работы, посвященные этой проблематике, - интересные исследования М. А. Осиповой [Осипова 1999; Осипова, в печати]. М. А. Осипова изучала речь эмигрантов последней волны эмиграции в США (с конца 80-х годов), часть которой составляют дети и молодежь, не усвоившие в достаточной степени русский язык в России. По ее наблюдению, прежде всего уходят из языка модификационные (по Докулилу) производные.

Она пишет: «Слабой системной категорией оказываются модификационные производные, куда относятся диминутивы и приставочные глаголы. Это производные с интерпретирующим, а не называющим значением. Устойчивым же ядром системы оказываются мутационные производные, как, например, названия деятеля. Это «называющие» производные. Иными словами, дезинтегрируются производные с вторичными словообразовательными функциями, а проявляют устойчивость образования, реализующие важнейшую функцию словообразования, - номинативную» [Осипова 1999, 11]. Это мнение разделяет и [Polinsky, in print], полагая, что словообразовательный механизм русского языка ослабевает, вытесняемый под влиянием английского другими механизмами языка.

11.4.1. Мои материалы дают иную картину. В речи эмигрантов первой волны и их потомков, родившихся вне России и усвоивших язык в семье, словообразовательная система русского языка сохраняется в своем обычном виде. В речи моих информантов как раз модификационная категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность, причем и в речи эмигрантов второго и третьего поколения первой волны. Как это свойственно разговорному языку в России, распространены уменьшительные и оценочные экспрессивные производные типа павильончик, домик, огородик, кухонька, комнатушка, пилюльки, домишка, маленький городочек, улочка. Таким образом, мои материалы подтверждают предположение Jakobson о том, что при ослаблении языковой системы первыми исчезают категории, наиболее поздно осваиваемые человеком. Ведь известно, что в славянских языках категория уменьшительности возникает у ребенка очень рано (см. [Гвоздев 1961; Земская 1993]).

Мои записи показывают резкое различие в отношении к диминутивам между речью эмигрантов первой волны и их потомков и речью эмигрантов последней волны (с конца 80-х годов), представленной в статьях: [Осипова 1999; Осипова, в печати; Polinsky, in print].

11.4.2. Наблюдается резкое различие в использовании словообразования в языке эмигрантов разных волн. В языке эмигрантов первой волны (т.е. покинувших Россию после революции 1917 года) словообразование имеет те же функции, что и в языке метрополии (см.: [Земская, в печати (б)]). Наиболее активны две функции - экспрессивная (производство диминутивов) и номинативная. В качестве базовых используются преимущественно основы русских слов. Эмигрантам первой волны свойственно свободное владение двумя или более языками. Они не смешивают разные языки. Чужой язык для них привычен и иногда даже более удобен, чем русский. Они не подвергают его обработке словообразовательными средствами русского языка.

11.4.3. Для эмигрантов третьей и четвертой волн чужой язык часто не стал еще полностью своим. Они воспринимают его как нечто остро противопоставленное русскому языку, постоянно сравнивают русские и чужие способы выражения, осмысливают эту разницу и используют ее как средство экспрессии. Именно поэтому они активно применяют русское словообразование, создавая от иноязычных основ слова-гибриды.

11.4.4. Можно выделить две специфические функции словообразования в языке эмигрантов третьей и четвертой волн, связанные с производством слов-гибридов.

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

Первая - номинативная: многие представители последних волн эмиграции не заботятся о чистоте русского языка, создавая в номинативных целях не только производные существительные (типа велферщик, фудстэмпщик, бистряк), но и прилагательные (волонтирский, бедрумный, полпаундовый, рамольный) и даже глаголы (биллат, драйвать, замельдоваться, путцить). Последнее особенно резко нарушает чистоту русского языка.

Вторая - экспрессивная: у эмигрантов последних волн, наделенных чувством юмора и склонностью к языковой рефлексии, широко распространены словообразовательные игры. Нередко они базируются на каламбурном сближении русских и иноязычных слов.

11.4.5. Словообразовательный механизм русского языка - мощная и активная сила.

Словообразование, в отличие от других подсистем русского языка (таких, например, как интонация, фонетика, лексика), не подвергается иноязычному влиянию. Напротив, русское словообразование способно включать иноязычные лексические элементы в словообразовательные модели русского языка для производства слов-гибридов. Ср. понятие адаптирующей функции словообразования в концепции Фурдика [Furdik 1993].

11.4.5.1. Число слов-гибридов разных частей речи не одинаково. По нашим данным, наиболее многочисленны имена существительные, глагол занимает второе место, а прилагательные - третье.

11.4.5.2. Глаголы и прилагательные от иноязычных основ по-разному воспринимаются в русской речи. Прилагательные - нейтральны. Глаголы резко выделяются в структуре русского текста. Их используют два типа лиц: 1) не чувствующие достаточно тонко ткань создаваемого ими текста, не дорожащие чистотой русского языка; 2) играющие с формой речи. Глаголы-гибриды в речи старых эмигрантов крайне редки. Без установки на шутку они могут встречаться лишь у тех лиц, которые не следят за своей речью, не обладают многоязычием и которым не свойственна высокая языковая рефлексия.

11.5. Морфология относится к числу более устойчивых подсистем русского языка, чем лексика и фонетика. Русский язык вне России обнаруживает то же противопоставление глагол/имя, которое свойственно ему в метрополии. Спряжение глагола не подвергается разрушению. В склонении имени обнаруживаются явления, свидетельствующие о росте аналитизма: экспансия им. падежа, ослабление функций некоторых косвенных падежей (например, творительного способа действия). Ярче всего ослабление склонения, как и в языке метрополии, наблюдается в склонении имени числительного. Эти явления не связаны непосредственно с влиянием иноязычного окружения, но свидетельствуют об общности тенденций, действующих в русском языке как в метрополии, так и вне России, см. об этом подробнее: [Гловинская, в печати].

11.5.1. Отдельные изменения в языке эмигрантов, относящиеся к сфере морфологии, - например, невладение категорией одушевленности, незнание правил употребления собирательных числительных, - имеющие внешне разрозненный характер, находят объяснение в теории естественной морфологии, см.: [Dressler 1982; Дресслер 1986; Земская, в печати].

11.6. Калькирование принадлежит к числу явлений, оказывающих влияние на речь эмигрантов всех волн и на разные подсистемы языка: лексическую семантику, синтаксис, морфологию.

Словообразовательные кальки в моих материалах не зарегистрированы.

Калькирование - явление очень активное, можно сказать, агрессивное. Кальки проникают в речь даже тех людей, которые строго оберегают свой русский язык и не допускают в него заимствований.

Кальки менее заметны, чем заимствования. Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом. По моим наблюдениям, совпадающим с наблюдениями других лингвистов (см., например: [Голубева-Монаткина 1994; 1995; Andrews 1998]), наиболее частотны кальки двух видов - с полужнаменательными глаголами иметь, брать, делать и др. (типа иметь страх, взять автобус, делать благодарность), и кальки семантические, при которых используется слово,

имеющееся в русском языке, но меняется (расширяется) его значение. Такого рода кальки возникают в русской речи очень активно (напр., многие лица, живущие в США, употребляют слово класс в знач. 'занятие', 'урок'; телефон - в знач. 'телефонный звонок').

12. Различие между разными волнами эмиграции наблюдается не только в использовании языка страны обитания, но и в отношении общей стойкости русского языка. У части эмигрантов четвертой волны русский язык разрушается после недолгой жизни вне метрополии (5-10 лет), т.е. уже в первом поколении. Это касается в первую очередь тех, кто оказался в эмиграции в детском возрасте, не получив образования на русском языке, однако присуще не только им, см.: [Земская 1999б]. Такая нестойкость русского языка связана со многими факторами: отъезд из России навсегда (а не на время), низкая образованность, незнание других языков, кроме русского, в том числе языка страны обитания. Имеется и другой существенный фактор, которому исследователи нередко не придают должного значения: степень владения русским языком до эмиграции и отношение к русскому языку. Лица, легко и быстро теряющие, забывающие, портящие русский язык в эмиграции, как правило, не владели им в должной мере и при жизни в России (или: СССР). Для многих из них русский язык не был родным.

Ученые и журналисты, пишущие о разрушении русского языка в эмиграции и даже о его гибели, часто изучают не речь приехавших из России носителей русского литературного языка и их детей, а речь «контингента», «русаков» и «русачек», как их именует Г. Гусейнов [Гусейнов 1997]. Среди этих людей есть и «российские немцы», и украинцы, и армяне, и жители азиатских республик бывшего СССР. Список можно продолжить. Объединяет всех этих людей невладение русским литературным языком до отъезда в эмиграцию, а также - и это очень важно - отсутствие отношения к русскому языку как к культурной, исторической, духовной, человеческой ценности. Для них это «прежний язык», «старый язык», как справедливо замечает Г. Гусейнов, а не русский язык.

Чтобы говорить о разрушении русского языка, необходимо ответить на вопрос: о разрушении какого русского языка идет речь? На каком русском языке эти люди говорили до эмиграции? Исследователи этот социокультурный аспект не рассматривают и даже не упоминают о нем [Гусейнов 1997; Polinsky 1998]. Сравнивать «эмигрантский язык» информантов с кодифицированным литературным языком неправомерно, так как нет оснований полагать, что речь этих лиц до отъезда из метрополии соответствовала нормам русского литературного языка. Также нет оснований полагать, что многие факты, наблюдаемые в речи лиц, живущих в США, Германии или другой стране, можно характеризовать как влияние эмиграции.

Проблема социально-культурной характеристики важна при изучении речи эмигрантов всех четырех волн. Отмечу, что и представители эмиграции первой волны не однородны в социально-культурном отношении, и это, естественно, находит отражение в их языке. Наряду с лицами дворянского происхождения в составе первой эмиграции имеется и духовенство, и разночинцы, и купечество, и промышленники. Не ставя перед собой цель рассмотреть язык разных слоев эмиграции, укажу лишь на некоторые типические различия, так сказать, «лакмусовые бумажки»- показатели социальной дифференциации говорящих. Примером социальных лексических маркеров могут быть глаголы есть / кушать, см. об этом подробнее: [Земская 2000].

13. Мои наблюдения позволяют предположить, что имеется несколько специфических полей сохранения и стойкого функционирования русского языка: православная церковь, общение с маленькими детьми и разговоры с домашними животными.

14. Среди старой русской эмиграции двуязычие и даже многоязычие - не редкость. Эмигрантов первой волны и их потомков отличает от поздней эмиграции умение переключаться с одного языка на другой, а не смешивать языки. В их русский могут попадать отдельные заимствования в виде инкрустаций. Как пишет Л. В. Щерба, «оба языка (или: три и более языков - Е.З.) образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта. Это очень частый случай у людей, выучивших иностранные языки от иностранных гувернанток, с которыми они могли говорить только на изучаемом языке с исключением всякого другого» [Щерба 1976, 61]. Похожая ситуация возникает и при жизни в эмиграции, когда жители страны обитания не знают русского языка и при общении с ними эмигрантам нельзя переходить на родной язык.

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

15. Как именно функционирует двуязычие у лиц, долгое время живущих за границей или родившихся вне России? Неверно было бы думать, что двуязычные люди всегда свободно обо всем говорят на двух языках. Нередко двуязычие распределено ситуационно и тематически. Мои наблюдения и опросы информантов свидетельствуют о том, что употребление русского языка и языка той страны, в которой живет человек, нередко находятся в дополнительном распределении. Так, например, молодая женщина, русская по происхождению, но родившаяся в Германии, сообщила мне, что дома с родителями она говорит только по-русски, а когда, например, ведет автомобиль, заправляет его и т.п. - только по-немецки, что она даже не знает, как называются по-русски те ли иные предметы и действия, связанные с автомашиной. Это относится и к работе на компьютере. Сохранение за русским функций домашнего, семейного языка распространено в среде эмигрантов. Среди эмигрантов действуют два основных вида двуязычия: полное (более редкое, но реально существующее и наблюдаемое у некоторых лиц) и находящееся в дополнительном распределении (по ситуациям, темам, адресатам и т.д.).

16. Современный этап жизни русского языка отличается значительным своеобразием, см., например: [Русский язык 1996]. Изменение условий жизни в России не могло не повлиять и на функционирование русского языка за рубежом. На протяжении многих десятилетий эмигранты были отрезаны от СССР, их русский язык был изолирован от русского языка метрополии. Они не могли приезжать в СССР (боялись или их не пускали), они не могли свободно общаться с соотечественниками. Интересные воспоминания об этом периоде истории, когда встречи между русскими и иностранцами проходили в музеях, парках, на вокзалах, сохранил Дмитрий Всеволодович Иванов, сын поэта Всеволода Иванова, см.: [Земская 1999б].

Исторические изменения (падение тоталитаризма, распад СССР и образование России) стали мощным стимулом сохранения русского языка. Развитие и укрепление экономических, культурных, научных связей между Россией и иными странами дало возможность эмигрантам разных поколений приезжать в Россию, встречаться с родственниками, друзьями и коллегами и принимать их у себя. Многие эмигранты начинают активно изучать русский язык, смотрят русское телевидение, читают русские книги и газеты. Все это не только способствует сохранению русского языка, но и рождает новую ступень овладения им. Этот феномен сами эмигранты называют возвращением к России и русскому языку.

В языковой компетенции многих лиц, живущих вне России в течение всей жизни, эмигрантов третьего и даже четвертого поколений, независимо от того, сколько языков они знают и какое место в этой иерархии занимает русский язык, ему принадлежит особое важное положение. Русский язык - предмет частой и глубокой языковой рефлексии. Он воплощает связь с Родиной, с семейными корнями. Это святыня, которую берегут.

Лица, родившиеся за границей, теряющие русский язык, посещают Россию в память о предках. Многие эмигранты, деды которых владели именьями в России, не имея возможности вернуть их, желают сохранить дедовские усадьбы, хотя бы как память о своих корнях, становятся благодетелями, помогают в реставрации, налаживают жизнь в детских домах, размещенных в этих усадьбах и пр.

В ряде стран (в США, в странах Скандинавии) организуется обучение детей эмигрантов их родному языку. Такие занятия «Russian for Russian» есть, например, в Калифорнийском университете UCLA в г. Лос-Анджелес. Примечательно, что эти занятия посещают люди разных специальностей - медики, историки, социологи, инженеры (не филологи!).

Вопрос, который часто возникает: «Умирает ли язык русского зарубежья?», по моему убеждению, должен получить отрицательный ответ, см. об этом подробнее: [Земская 2001].

17. Сопоставительный анализ речевых портретов отдельных лиц позволяет увидеть, сколь велико разнообразие индивидуальных черт и личных историй эмигрантов, сколь великая разница во владении русским языком заключена в диаспоре. Язык диаспоры представляет собой континуум. Наблюдения за речью многих лиц позволяют выявить факторы, способствующие сохранению русского языка: причины и цель эмиграции (бегство на время / отъезд навсегда);

общая образованность и знание других языков; интерес к России, ее культуре, истории, своим предкам, вызывающие желание сохранить русский язык; развитая языковая рефлексия; наличие русского окружения; сила характера данного человека и тех его близких, которые являются носителями русского языка; обучение на русском языке; профессия, требующая знания русского языка; тесная связь с православной церковью, в которой богослужение ведется на церковнославянском языке, а общение между прихожанами идет на русском.

18. Требуют изучения следующие важные теоретические проблемы. Как именно влияет тот или иной язык страны обитания на язык эмиграции? Какие языки оказывают большее/меньшее воздействие на язык диаспоры? В большей мере исследовано влияние на русский язык американского английского (см. [Benson 1960; Andrews 1999; Olmsted 1986]) и французского [Голубева-Монаткина 1993; 1994; 1995]. Преимущественно рассматривались воздействия в сфере лексики, менее основательно - в сфере фонетики и грамматики.

Что касается степени влиятельности разных языков, то, по моим материалам, наиболее «весомы» три языка - английский, французский и немецкий. Несомненно, что кроме внутренней структуры этих языков играет роль их высокая социально-культурная значимость, широкая распространенность в мире. Языки менее распространенные, так сказать, менее престижные, оказывают меньшее влияние на язык диаспоры. Необходимо добавить, что языки эмигрантов из разных стран в разной мере подвержены воздействию. Это зависит не только от собственно лингвистических особенностей того или иного языка, но и от особенностей жизни эмигрантов разных национальностей (замкнутая жизнь внутри общины соотечественников / включенность в окружающую жизнь людей других национальностей), а также от языковой политики, направленной на поддержание родного языка. Применительно к славянским языкам такие вопросы рассматриваются в книге «The Slavonic Languages», 1993 (автор главы о славянской диаспоре - R. Sussex; см. рец. на эту книгу: [Осипова 1996, 161]).

19. Существует еще одна особая и очень важная проблема - словесное художественное творчество русских эмигрантов, ср.: [Караулов 1992]. Русская литература, созданная в эмиграции, огромна. Это предмет специального изучения. Здесь укажу лишь на важность проблематики иного рода: исследование особенностей быта, сохранения обычаев русской жизни, праздничных ритуалов, игр и т.п. М.Ю. Лотман пишет: «... быт - это не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, характер труда и досуга; формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон. Связь этой стороны быта с культурой не требует пояснений. Ведь именно в ней раскрываются те черты, по которым мы обычно узнаем своего и чужого, человека той или иной эпохи, англичанина или испанца» [Лотман 1994, 12]. Исследований этой стороны жизни русской диаспоры почти нет. Можно назвать пионерские работы ученых Финляндии [Башмакофф, Лейнонен 1990].

Назову еще одно исследование, посвященное таким вопросам: как сохраняется и функционирует фольклор среди русских крестьян, живущих в Красном селе на территории Финляндии (см. [Harjula, et al. 1993]). Авторы публикуют уникальные фольклорные записи - песни, сказки, детский фольклор (считалки, дразнилки), приметы, заговоры, загадки, показывающие, что именно в прошлой жизни было особенно дорого. Как пишут исследователи, «во время Зимней войны жители четырех русских деревень, финские граждане, были спешно эвакуированы в глубь Финляндии и расселены по разным районам страны. <...> Живая фольклорная традиция Красносельского прихода уже более полувека не существует, поскольку нет больше самого прихода. Тексты не актуализируются, но сохраняются они достаточно хорошо. В этом великая заслуга бывших односельчан. То, что многие из них сохранили не только родной язык, но и обычаи и фольклор, вызывает изумление и достойно уважения» [Harjula et al. 1993, 216].

Примечания

1. Старой эмиграцией в США принят иной счет. Первой волной называют людей, покинувших Россию до революции 1917 г., а эмиграцию послереволюционную считают второй волной.

Материалы по русскому языку как второму родному на сайте www.russisch-fuer-kinder.de

Литература

- Башмакофф Н., Лейнонен 1990 - Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории быта русских в Финляндии 1917-1939. По печатным материалам, воспоминаниям и рассказам самих русских. Ч. 1. // *Studia Slavica Finlandensia*, VII. Helsinki, 1990, С. 1-100.
- Бобрик, в печати - Бобрик М. А. Очерк языка семьи Ф. // *Язык русского зарубежья* / Отв. ред. Е. А. Земская.
- Гвоздев 1961 - Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
- Гловинская 1996 - Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. М., 1996, С. 237-304.
- Гловинская, в печати - Гловинская М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) // *Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова* / Отв. ред. С. М. Кузьмина.
- Голубева-Монаткина 1993 - Голубева-Монаткина Н. И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // *Русский язык за рубежом*. 1993. No 2, С. 100-105.
- Голубева-Монаткина 1994 - Голубева-Монаткина Н.И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» во Франции // *Филологические науки*, 1994. No 4. С. 104-111.
- Голубева-Монаткина 1995 - Голубева-Монаткина Н. И. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции // *Русистика сегодня*. 1995. No1, С. 70-92.
- Гусейнов 1997 - Гусейнов Г. Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах Германии // 11. Fortbildungstagung für Russischlehrer an bayerischen Gymnasien. Regensburg, 1997, S. 36-44.
- Дресслер 1986 - Дресслер В. Об объяснительной силе естественной морфологии // *ВЯ*, 1986. No 5. С. 33-46.
- Ерофеева 1990 - Ерофеева Т. И. «Речевой портрет» говорящего // *Языковой облик уральского города*. Свердловск, 1990.
- Земская 1993 - Земская Е. А. К вопросу о системности некодифицированных сфер речи. Речевой портрет ребенка 2-6 лет // *Harvard Studies in Slavic Linguistics*. Vol. II. Ed. by O. Yokoyama. Harvard University, 1993 P. 122-145.
- Земская 1999а - Земская Е. А. Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции // Роман Якобсон. *Тексты, документы, исследования*. М., 1999, С. 599-610.
- Земская 1999б - Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г. О. Винокура* / Ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. М., 1999. С. 236-257.
- Земская 2000а - Земская Е.А. Проблемы нормы и речевого поведения // *Культурно-речевая ситуация в современной России*. / Отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2000.
- Земская 2001 - Земская Е. А. Умирает ли язык русского зарубежья? // *ВЯ*, 2001. No 6.
- Земская, в печати (а) - Земская Е. А. Функции словообразования в языке русских эмигрантов. Katowice.
- Земская, в печати (б) - Земская Е. А. Речевой портрет эмигранта первой волны (к вопросу об объяснительной силе естественной морфологии) // *Русский язык сегодня* / Ред. Л. П. Крысин.
- Караулов 1992 - Караулов Ю. Н. О языке русского зарубежья // *ВЯ*, 1992. No 6.
- Кауппила, Лейнонен 1985 - Кауппила Е., Лейнонен М. Судьба красносельского говора в Финляндии // *Scando-Slavica*, 1985. No 31. С. 117-144.
- Китайгородская, Розанова 1995 - Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. *Русский речевой портрет*. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Крысин 1994 - Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // *Литературный язык и культурная традиция*. М., 1994. С. 262-282.
- Лотман 1994 - Лотман Ю. М. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - нач. XIX века)*. СПб., 1994.
- Осипова М. А. К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // *Slavia*, 1999, No 1.
- Осипова 1996 - Осипова М. А. [Рец. на кн.] *The Slavonic Languages* // Ed. B. Comrie and G. Corbett. London; New York, 1993 // *ВЯ*. 1996. No 1. С. 159-162.

- Осипова 1999 - Осипова М. А. К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // *Slavia*. 1999 No 1.
- Осипова, в печати - Осипова М. А. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // *Славянские языки в неславянском окружении* / Ред. Т. М. Николаева.
- Панов 1990 - Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 1990.
- Пушкарева 1997 - Пушкарева Н. Л. Русские за рубежом // *Русские* / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1997 (Серия «Народы и культуры»).
- PPP-73: Русская разговорная речь. М., 1973.
- PPP-81: - Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- PPP-84: - Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1984.
- Русский язык 1996 - Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
- Сл. Даля - Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е испр. и доп / Издание под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртене, Т. 1-4. СПб., М., 1903.
- Сл. Уш. - Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1-4. М., 1934-1940.
- Щерба 1974 - Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 60-74.
- Эндрюс 1997 - Эндрюс Д. Р. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // *Славяноведение*, 1997. No 2. М., С. 18-30.
- Andrews 1998 - Andrews D. R. Socio-cultural Perspectives on Language Change in Diaspora. Soviet immigrant in the United States // *Impact: Studies in Language and Society*, Vol. 5. John Benj. Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia, 1998.
- Benson 1960 - Benson M. American - Russian Speech // *American Speech*, October 1960, Vol. XXXV. No 3, P. 163-194.
- Dressler 1982 - Dressler W. On Wordformation in Natural Morphology // *International Congress of Linguists*, 13th. Tokyo, 1982. Furdik 1993 - Furdik J. Slovo tvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča, 1993.
- Hanjula et al. 1993 - Harjula T., Leinonen M., Ovchinnikova O. Kyyrölän perinnnett. // *Традиции Красного села*. Tampere, 1993. Jezyk polski 1997 - Jezyk polski poza granicami kraju. / Red. St. Dubicz. Opole, 1997.
- Leinonen 1985 - Leinonen M. Finnish and Russian as they are spoken: from linguistics to cultural typology // *Scando-Slavica*, 1985, No 31. P. 117-144.
- Olmsted 1986 - Olmsted Hugh M. American Interference in the Russian Language of the Third-Wave Emigration: Preliminary Notes // *Folia Slavica*. 1986. Vol. 8. No 1. P. 91-127.
- Polinsky 1998 - Polinsky M. S. American Russian: A new Pidgin // *Московский лингвистический журнал*. 1998. Т. 4. P. 78-138. Polinsky, in print - Polinsky M. S. Russian in the USA. An Endangered Language / E. Golovko (ed.), *Russian in Contact with other Languages*. Amsterdam.
- Sussex 1993 - Sussex R. Slavonic Languages in emigration // *The Slavonic Languages* / Ed. B. Comrie and G. Corbett/ London; New-York, 1993, P. 999-1036.